

АРЕСТЪ и ОСЫЛКА БИРОНА.

8-го ноября, 1740-го года, въ третьемъ часу ночи, офицеры лейбъ-гвардіи преображенскаго полка, находившіеся въ караулѣ на главной гауптвахтѣ зимняго дворца, были внезапно разбужены адъютантомъ фельдмаршала Миниха, подполковникомъ Манштейномъ, который сообщилъ имъ, что мать малолѣтняго императора Ивана Антоновича, принцесса Анна Леопольдовна, имѣя поручить имъ важное и секретное дѣло, просить ихъ немедленно явиться къ ней.

Такое позднее и неожиданное приглашеніе чрезвычайно изумило офицеровъ; однако они поспѣшили повиноваться. Манштейнъ провелъ ихъ чрезъ черную лѣстницу дворца, прямо въ уборную принцессы. Анна Леопольдовна тотчасъ-же вышла къ нимъ, сопровождаемая фельдмаршаломъ и любимой фрейлиной своей, баронессой Юліаной Менгденъ. Миловидное лицо принцессы было

Источники: 1) Дѣло о капитанъ-поручикѣ Дурново, въ архивѣ мин. иностр. дѣлъ. Кн. 61, стр. 477 и слѣд.—2) Чтенія въ импер. обществѣ исторіи и древ. рос. М. 1862. Ч. 1, стр. 28—143.—3) Маркизъ де-ла-Шетардивъ Россіи, Пекарскаго. С. П. Б. 1862. Стр. 188—196.—4) Записки графа Миниха, сына фельдмаршала. М. 1817. Стр. 203.—Записки князя Я. П. Шаховскаго. М. 1821. Ч. 1, стр. 39—41.—6) Записки императрицы Екатерины II. Лондонъ. 1859. Стр. 91.—7) Цвѣтущее состояніе Всероссийскаго государства. М. 1831. Ч. 2, стр. 74.—8) Исторія города Ярославля, Троицкаго. Ярославль. 1853. Стр. 76.—9) Политическая система Петра III, —Щебальскаго. М. 1870. Стр. 145—148.—10) Два эпизода изъ царствованія Екатерины II, —Барона Ф. Бюлера. «Рус. Вѣст.» 1870. № 3, стр. 116.—11) Memoires sur la Russie, par Manstein. Paris. 1860. t. 2. Pg. 124.—12) Materialien zu der russischen geschichte, f. Schmidt Phiseldeck. Riga. 1777. T. 2. S. 188—196.

С. III.

36

блѣдно, глаза заплаканы; нетвердымъ, прерывающимся отъ сильнаго внутренняго волненія Голосомъ, она, въ короткихъ словахъ, передала офицерамъ, что регентъ имперіи, герцогъ Курляндскій Биронъ, ежедневно наноситъ ей и ея супругу всевозможныя оскорбленія и униженія; что онъ намѣревается выслать ее съ семействомъ за границу, съ цѣлью захватить окончательно въ свои руки правленіе государствомъ; что она не можетъ болѣе переносить его грубыхъ и неблагородныхъ поступковъ съ ней, считаетъ обязанностію своею, для общаго блага, противодѣйствовать его честолюбивымъ замысламъ и потому рѣшилась арестовать его; что порученіе это возложено ею на фельдмаршала Миниха и она надѣется, что офицеры, всегда отличавшіеся преданностію къ государю и отечеству, не откажутся повиноваться и помогать своему начальнику въ предпріятіи, отъ исхода котораго зависить счастье и спокойствіе цѣлой имперіи.

Слезы и одушевленіе принцессы, справедливость жалобъ ея противъ челоуѣка, всѣми втайнѣ ненавидимаго, не могли не вызвать сочувствія къ ея дѣйствительно тягостному и унижительному положенію. Офицеры, ни минуты не колеблясь, отвѣчали, что они готовы исполнить приказаніе принцессы и обѣщали не жалѣть жизни для достиженія успѣха. Отвѣтъ этотъ привелъ Анну Леопольдовну въ такое восхищеніе, что она, зарыдавъ, бросилась на шею къ фельдмаршалу; потомъ обняла офицеровъ и умоляла ихъ не медлить.

Успоивъ и упросивъ принцессу во всемъ положиться на него, Минихъ отправился вмѣстѣ съ офицерами къ главному караулу, вызвалъ его въ ружье и, обратясь къ солдатамъ, сказалъ:

— «Хотите-ли вы государю служить? Вѣдаете, что регентъ есть, отъ котораго государынѣ цесаревнѣ (Елизаветѣ Петровнѣ), племяннику ея (герцогу Голштинскому), императору и родителямъ его есть утѣненіе и надобно его взять!»

Солдаты въ одинъ голосъ отвѣчали: «готовы государю съ радостью служить!»

Тогда фельдмаршалъ спросилъ: «ружья у васъ заряжены-ль?» и, узнавъ что не заряжены, велѣлъ зарядить; затѣмъ, оставивъ на гауптвахтѣ при знамени, одного офицера и сорокъ рядовыхъ,

съ остальными восьмидесятью человекѣми пошелъ въ лѣтнему дворцу, гдѣ тогда жилъ Биронъ *).

Не доходя шаговъ двухъсотъ до дворца, Минихъ послалъ Манштейна впередъ объявить приказаніе принцессы офицерамъ, находившимся въ караулѣ у регента; они не только не оказали никакого сопротивленія, но даже предложили свои услуги для арестованія Бирона.

Получивъ такое благопріятное извѣстіе, Минихъ велѣлъ Манштейну идти съ двадцатью гренадерами въ комнаты регента и взять его живого или мертвого.

Манштейнъ, войдя во дворецъ и боясь встревожить герцога шумомъ, приказалъ своимъ спутникамъ слѣдовать за собою издали. Часовые, стоявшіе въ покояхъ регента, зная Манштейна въ лицо, всюду пропускали его, полагая, что онъ посланъ къ герцогу съ какимъ-нибудь важнымъ дѣломъ. Пройдя нѣсколько комнатъ, Манштейнъ остановился въ недоумѣніи. Онъ не зналъ гдѣ была спальня герцога и опасался спросить объ этомъ у служителей. Послѣ нѣсколькихъ секундъ колебанія, Манштейнъ рѣшился идти на удачу. Пройдя еще двѣ комнаты, онъ очутился передъ дверью запертой на ключъ; къ счастью, по оплошности слугъ, она не была задвинута сверху и снизу задвижками, а потому Манштейнъ безъ особенныхъ усилій отворилъ её. Здѣсь онъ нашелъ герцога и герцогиню, спавшихъ на широкой двухспальной кровати такимъ крѣпкимъ и безмятежнымъ сномъ, что стукъ произведенный дверью не разбудилъ ихъ.

Манштейнъ подошелъ къ кровати, отдернулъ занавѣсъ и громко сказалъ, что желаетъ говорить съ герцогомъ. Герцогъ и герцогиня проснулись, и, испуганные его голосомъ, подняли крикъ. Биронъ соскочилъ на полъ и намѣревался спрятаться подъ кровать, но Манштейнъ, находившійся у той стороны постели гдѣ лежала герцогиня, быстро обѣжалъ кругомъ, бросился на него,

*) Деревянный лѣтній дворецъ существовалъ съ 1732 г., въ лѣтнемъ саду, на мѣстѣ нынѣшней великолѣпной рѣшетки. Здѣсь императрица Анна Ивановна ежегодно проводила исходъ лѣта и начало осени и здѣсь же умерла, 17 октября 1740 г., не успѣвъ переѣхать, по обыкновенію, въ зимній дворецъ. 19 октября, младенецъ-императоръ Иванъ Антоновичъ былъ церемониально перенесенъ, по приказанію регента, изъ лѣтняго дворца въ зимній; самъ же регентъ остался въ лѣтнемъ дворцѣ, располагая быть у гѣла покойной императрицы до дня погребенія, назначеннаго на 23-е декабря.

крѣпко обхватилъ и держалъ до тѣхъ поръ, пока не подоспѣли солдаты.

Этотъ моментъ изображенъ на прекрасной и въ историческомъ, и въ художественномъ отношеніяхъ картинѣ профессора Валерія Ивановича Якоби; снимокъ съ нея здѣсь прилагается. Художникъ вводитъ насъ въ роскошную спальню регента. У входа часовой и группа солдатъ-преображенцевъ въ походной формѣ. Обѣ половинки дверей распахнуты настежь. Спальня озарена яркимъ свѣтомъ брошеннаго на стулъ фонаря. Съ этимъ фонаремъ, безъ сомнѣнія потайнымъ, Манштейнъ прошелъ по комнатамъ дворца, прежде чѣмъ добраться до спальни. Выплывшая луна озарила сосѣднюю съ спальней комнату. У кровати поверженъ Биронъ; онъ тщетно хватается за шпагу; стулъ, шпага и китайскія ширмы летятъ на полъ. Вся фигура Бирона сдѣлана весьма схожею съ лучшими его портретами, но такъ какъ герцогъ захваченъ въ постели, поэтому въ моментъ борьбы мы его видимъ безъ парика, что, разумеется, даетъ другой видъ его головѣ и лицу. Фигуру Манштейна художникъ поставилъ такъ, что лица его не видно; сдѣлано это, безъ сомнѣнія, потому, что порграть Манштейна до сихъ поръ не найденъ, и неизвѣстно даже, былъ ли онъ когда-либо изданъ. На крикъ Манштейна бѣжитъ старый офицеръ, съ эспантономъ и съ шарфомъ, готовый перевязать ненавистнаго правителя. На лицѣ стараго гренадера, безъ сомнѣнія, видѣвшаго цѣлый рядъ дворцовыхъ переворотовъ съ 1725-го г., читаешь выраженіе удовольствія и радости. Онъ какъ и вся эта группа, исполнена ненависти къ Бирону...

Подлинная картина г. Якоби, составляющая собственность Н. Д. Бенардаки, занимаетъ въ длину — сажень, въ высоту — два аршина. Комната Бирона отдѣлана въ китайскомъ вкусѣ, какъ и было дѣйствительно во дворцѣ; Анны Ивановны; надъ кроватю занавѣси голубого бархата, подбитыя желтымъ атласомъ; онѣ шиты гербами герцога и золотомъ. Одѣяло атласное, ваточное, стеганое, бѣлое съ цвѣтами. Стулъ у постели обдѣланъ золотомъ и обитъ малиновымъ бархатомъ; на полу богатый красноватаго цвѣта коверъ. На фигурномъ, золотомъ обдѣланномъ, столѣ — шатулка съ андреевскою звѣздой и голубою къ ней лентою; тутъ же лежитъ парикъ герцога. У кровати легкія китайскія ширмы. Рубашка на герцогъ кружевная, съ блондами. Изъ-за кровати видно начало зеркала, въ широкой рамѣ.

Вся картина исполнена жизни, движенія и отличается, какъ вѣрностью исторіи, такъ — и замѣчательнымъ мастерствомъ отдѣлки *).

Продолжаемъ прерванный нами рассказъ г. Шубинскаго.

Ред.

*) Помѣстивъ снимокъ съ картины г. Якоби, считаемъ необходимымъ напомнить нашимъ читателямъ перечень другихъ произведеній этого художника. Вотъ главнѣйшія картины кисти г. Якоби, 1857 г.: «Димонщикъ-продавщикъ фруктовъ» (мал. сер. медаль). 1858 г. «Татары-продавцы халатовъ» (больш. сер. медаль). 1859 г. «Свѣтлый праздникъ нищаго» (мал. золот. медаль) — эта картина принадлежитъ нынѣ гр. Штейнбоку. 1860 г. «Привалъ арестантовъ» (больш. золот. медаль). Эта картина, имѣла поляннѣйшій успѣхъ на выставкѣ того года; она составляетъ собственность г. Третьякова. Въ 1861 году г. Якоби посланъ отъ Академіи Художествъ за границу, гдѣ и пробылъ семь лѣтъ. Ближкое изученіе лучшихъ художественныхъ произведеній западной Европы не могло не воздѣйствовать весьма благотворно на упроченіе и развитіе молодого худож-

Биронъ оборонялся отъ Манштейна и его гренадеровъ съ мужествомъ и силою отчаянія. Онъ барахтался, отбивался на право и на лѣво булаками и нѣсколько разъ вырывался изъ рукъ обступившихъ его преобразенцевъ. Ожесточенные этимъ сопротивленіемъ, солдаты пустили въ дѣло приклады, сбили регента съ ногъ, заткнули ему ротъ платкомъ, связали руки офицерскимъ шарфомъ, наеинули на него солдатскую шинель, вытащили вонъ, посадили въ нарочно приготовленную Минихомъ карету и отвезли въ зимній дворецъ.

ника. Онъ работалъ непрестанно, и не только Петербургъ, но и Лондонъ (въ 1862 г.) и Парижъ (въ 1867 г.) видѣли на своихъ выставкахъ (въ Парижѣ и въ Лондонѣ на всемірныхъ выставкахъ) произведенія г. Якоби. Между прочимъ, къ этимъ годамъ относятся слѣдующія его картины: «Поддень» (двое нищихъ освѣщены солнцемъ, имъ подаетъ милостыню женщина). «Осень» (дѣвочка съ мальчикомъ). 1863 г.: «Закатъ»; «Знахарка» (подлинникъ принадлежитъ г. И. Ламанскому). «Шлюнзе»; 1864 г. «Террористы умѣренные» — картина была на выставкѣ того года подъ названіемъ «Робеспьеръ» (принадлежитъ Б. Т. Солдатенкову); «Голова Коляныи и герцогъ Гизъ» (соб. г. Мазурина). За эту картину художникъ получилъ званіе Академика. 1868 — 1869 г.: «Какъ аукнется, такъ и откликнется» (кошки стригутъ ногти); «Выходъ изъ тарторіи» (фигуры пьяныхъ); «Политика послѣ завтрака» (картина принадлежитъ Б. Т. Солдатенкову); «Тарантелла на зубахъ» (фигуры цыганятъ), «Модная мать», «Бандуристъ» и нѣсколько другихъ картинъ и эскизовъ; большая часть ихъ воспроизводитъ разныя стороны Римскаго быта; въ этомъ городѣ художникъ провелъ нѣсколько лѣтъ.

По возвращеніи изъ-за границы, г. Якоби обратился къ сюжетамъ изъ отечественной исторіи. Известно, что въ послѣднее десятилѣтіе изслѣдованія новейшей отечественной исторіи сдѣлали значительные успѣхи; вслѣдствіе этого художнику представляется богатый матеріалъ. Изучивъ его съ полнѣйшимъ вниманіемъ, г. Якоби остановился на одномъ изъ любопытнѣйшихъ эпизодовъ: «Арестъ Бирона». Этотъ эпизодъ имѣетъ не одинъ только драматическій интересъ, онъ важенъ и по своему значенію для всей русской исторіи прошлаго столѣтія: въ ночь на 8-е ноября 1740 года Россія руками же нѣмцевъ, освободясь отъ Бирона, освободилась вмѣстѣ съ нимъ отъ дѣлой тучи бездушныхъ, чуждыхъ нашему отечеству проходивцевъ, которые, нерѣдко добираясь до самаго кормила правленія, сосали русскія деньги, русскую кровь.... Въ самомъ дѣлѣ, ни честолюбивый Минихъ, ни исполнительный Манштейнъ, низвергая Бирона, ужъ, конечно, не подозревали, что они готовятъ паденіе дѣлой ватаги иноземцевъ-авантюристовъ, въ томъ числѣ и свое собственное, и очищаютъ путь вполнѣ русской женщинѣ, — дочери Великаго Петра, — къ російскому престолу, а съ нею выдвигаютъ и ея сторонниковъ: Разумовскихъ, Воронцовыхъ, Шуваловыхъ, Бестужева-Рюмина; за ними Панаевыхъ, Румянцова и друг., людей, конечно, съ разными способностями, но, во всякомъ случаѣ, вполнѣ русскихъ....

Картина «Арестъ Бирона» оцѣнена Академіею Художествъ вполнѣ по своимъ несомнѣннымъ достоинствамъ: В. И. Якоби сдѣланъ Профессоромъ. Ред.

Герцогиня въ одной рубашкѣ выбѣжала на улицу вслѣдъ за своимъ мужемъ, увлекаемымъ солдатами. Одинъ ихъ притащилъ ее, полумертвую отъ страха и окоченѣвшую отъ холода, къ Манштейну и спросилъ что съ нею дѣлать? Манштейнъ велѣлъ отвести герцогиню обратно во дворецъ, но солдату повезлось тягостнымъ исполнить такое порученіе, и онъ бросилъ жену регента въ снѣгъ. Караульный капитанъ, увидя герцогиню въ этомъ положеніи, приказалъ одѣть её и отнести въ комнаты *).

Вслѣдъ за регентомъ были арестованы и отвезены подъ караулъ въ зимній дворецъ: братъ его, командиръ измайловскаго полка, Густавъ Биронъ и любимецъ его—кабинетъ-министръ Бестужевъ-Рюминъ.

Въ то время, какъ Манштейнъ съ двадцатью гренадерами рѣшалъ судьбу Бирона, Анна Леопольдовна, въ борьбѣ со страхомъ и надеждою, томимая неизвѣстностью, ходила по пустыннымъ заламъ дворца. Войдя въ пріемную комнату, гдѣ спалъ, бывшій въ эту ночь дежурнымъ, сынъ фельдмаршала, камергеръ Минихъ, принцесса, обезсиленная душевной тревогой, въ изнеможеніи сѣла къ нему на кровать. Тотъ проснулся, вскочилъ и, ничего не зная о происходившемъ, съ испугомъ смотрѣлъ на Анну Леопольдовну.

— «Знаешь-ли, мой любезный Минихъ», трепещущимъ голосомъ сказала ему принцесса, «что предпринялъ твой отецъ? Онъ пошелъ арестовать регента. Дай Боже, чтобы это благополучно удалось.»

Изумленный Минихъ старался успокоить её, увѣряя, что если отецъ его рѣшился на такой смѣлый поступокъ, то вѣроятно принялъ надежныя мѣры къ обезпеченію успѣха. Нѣсколько успокоенная этими словами, принцесса пошла въ комнату малютки-императора, куда вскорѣ явился и мужъ ея, принцъ Антонъ Ульрихъ. Можно судить, съ какимъ нетерпѣніемъ они ожидали извѣстій отъ Миниха.

*) Биронъ былъ женатъ на Беннигъ-Готлибъ Тротта-фонъ-Трейденъ, род. въ 1703 г. ум. въ 1783 г. Отъ этого брака онъ имѣлъ двоихъ сыновей: Петра, род. въ 1724 г., бывшаго потомъ герцогомъ Курляндскимъ и умершаго въ 1800 г., и Карла, род. въ 1728 г. ум. въ 1801 г., и дочь Гедвигу-Елисавету, род. въ 1727 г., бывшую съ 1759-го г. замужемъ за барономъ А. П. Черкасовымъ и умершую около 1796-го года. (См. «Русскую Старину» т. II, стр.482 — 483). С. III.

Фельдмаршалъ не замедлилъ вывести супруговъ изъ ихъ тягостнаго положенія. Онъ самъ доложилъ принцессѣ объ арестованіи регента и поспѣшилъ разослать гонцовъ ко всѣмъ министрамъ и другимъ сановникамъ, съ объявленіемъ о такомъ радостномъ событіи и приглашеніемъ прибыть во дворецъ для принесенія поздравленія принцессѣ. Съ тою-же цѣлью приказано было всѣмъ, находившимся въ Петербургѣ, полкамъ собраться на дворцовой площади. Минихъ позаботился также послать двухъ преданныхъ ему офицеровъ въ Москву и Ригу, для взятія подъ стражу тамошнихъ генераль-губернаторовъ, Карла Бирона и генерала Бисмарка, зятя регента.

Вѣсть о низверженіи Бирона мгновенно облетѣла городъ и произвела общій, искренній восторгъ. Не болѣе какъ черезъ часъ, дворцовый лугъ, набережная Невы, нынѣшняя Милліонная, и другія улицы, прилегавшія къ дворцу, буквально запрудились придворными экипажами, войсками, проходившими на свои мѣста съ знаменами и барабаннымъ боемъ и народомъ, стекавшимся со всѣхъ концовъ Петербурга. Всюду слышались крики радости, поздравленія, цѣлованія... Принцесса приказала выкатить толпѣ нѣсколько бочекъ вина. Они были встрѣчены громкими «ура!» и распиты въ одну минуту. Во многихъ мѣстахъ запылали огни; солдаты и горожане, смѣшавшись между собой, пестрыми группами расположились около костровъ, яркое зарево которыхъ, освѣщая эту оживленную картину, было видимо далеко въ окрестностяхъ. Иностранные послы и придворные, не имѣя возможности подѣхать ко дворцу въ экипажахъ, оставляли ихъ и пѣшкомъ, съ трудомъ проталкиваясь сквозь густыя массы народа, добирались до покоевъ принцессы, гдѣ уже толпилось множество офицеровъ и другихъ должностныхъ лицъ. Въ наскоро составленномъ собраніи изъ первѣйшихъ чиновъ двора, было положено просить Анну Леопольдовну принять, до совершеннолѣтія ея сына, правленіе, съ титуломъ «правительницы и императорскаго высочества». Принцесса, выслушавъ это рѣшеніе, разумѣется, тотчасъ же согласилась на него. Всѣ присутствовавшіе немедленно отправились въ придворную церковь, гдѣ, послѣ благодарственнаго молебствія, при пушечной пальбѣ и колокольномъ звонѣ, присягнули въ вѣрности императору и новой правительницѣ.

Биронъ содержался до утра 9-го ноября въ караульной зимняго дворца, а потомъ, вмѣстѣ съ семействомъ, былъ перевезенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость. Для изслѣдованія его преступленій правительница учредила особую комиссію, которая, окончивъ черезъ пять мѣсяцевъ свои занятія, признала герцога Курляндскаго виновнымъ: въ насильственномъ захватѣ обманомъ регентства на время малолѣтства императора, намѣреніи удалить изъ Россіи императорскую фамилію съ цѣлью утвердить престолъ за собой и за своимъ потомствомъ, и во множествѣ другихъ второстепенныхъ преступленій *). По единогласному рѣшенію членовъ комиссіи, Биронъ былъ приговоренъ въ смертной казни—четвертованіемъ; но правительница замѣнила этотъ приговоръ вѣчнымъ заточеніемъ, съ конфискаціей всего движимаго и недвижимимаго имущества.

Согласно совѣту кабинетъ-министра князя Черкаскаго, долгое время бывшаго сибирскимъ губернаторомъ, правительница назначила мѣстомъ ссылки Бирона городокъ Пельмъ (нынѣ слобода Тобольской губерніи, Туринскаго уѣзда), разстояніемъ отъ Петербурга около 3,000 верстъ. Для помѣщенія Бирона съ семействомъ было приказано немедленно выстроить въ Пельмѣ небольшой домъ со службами и обнести его со всѣхъ сторонъ высокимъ палисадомъ. Планъ наружнаго фасада и внутренняго расположенія дома, состоявшаго всего изъ четырехъ комнатъ, былъ начерченъ фельдмаршаломъ Минихомъ, конечно, не предполагавшимъ въ ту минуту, что это же самое мѣсто скоро сдѣлается его двадцатилѣтней тюрьмой.

Для сопровожденія Бирона и надзора за нимъ въ Пельмѣ были назначены лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка капитанъ-поручикъ Викентьевъ, поручикъ Дурново и двѣнадцать чело-вѣкъ солдатъ отъ разныхъ полковъ.

Въ инструкціи, данной изъ кабинета конвойнымъ офицерамъ, приказывалось: «содержать арестантовъ подѣ крѣпкимъ и осторожнымъ карауломъ неусходно и всегдашнее смотрѣніе имѣть, чтобъ никто изъ нихъ никакимъ образомъ уйти не могъ

*) Подробное измеченіе изъ слѣдственнаго дѣла надъ Бирономъ напечатано въ «Чтеніяхъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ», 1862 г. ч. I, стр. 28—149.

и въ тамошнюю ихъ бытность никого къ нимъ не допускать, бумаги и чернилъ не давать».

На содержаніе Бирона съ семействомъ было велѣно отпущать «изъ сибирскихъ доходовъ» по 15-ти рублей въ сутки (т. е. 5,475 р. въ годъ). Для услугъ съ ссыльными были отправлены два лакея, Александръ Кубанецъ и сибирякъ Илья Степановъ, двѣ женщины—«дѣвка арапка Софья» и «дѣвка турчанка Катерина» и два повара. На содержаніе всѣхъ ихъ положено выдавать «особливо по 100 рублей въ годъ».

Такъ какъ Биронъ, его жена и дѣти были лютеранскаго вѣроисповѣданія, то правительница приказала послать въ Пелымъ пастора, назначивъ ему 150 рублей ежегоднаго жалованья.

Вмѣстѣ съ Бирономъ былъ сосланъ, по неизвѣстнымъ причинамъ, «за тяжкую вину, вмѣсто смертной казни», лекаръ Вахтлеръ. Караульнымъ офицерамъ было предписано держать его подъ крѣпкимъ карауломъ и, въ случаѣ надобности, употреблять для леченія арестантовъ.

13-го іюня 1741-го г., Вивентьевъ и Дурново повезли Бирона и его семейство, подъ конвоемъ, изъ Шлиссельбурга. Они ѣхали тихо, съ частыми и продолжительными роздыхами и прибыли въ Пелымъ лишь въ началѣ ноября *).

Внезапный переходъ отъ могущества и неограниченнаго самоуправства къ ничтожеству и забвенію, произвелъ въ характерѣ Бирона рѣзкую перемену и подѣйствовалъ на его крѣпкое здоровье. Онъ сдѣлался мрачнымъ, задумчивымъ, впалъ въ уныніе и вскорѣ по приѣздѣ въ Пелымъ серьезно заболѣлъ. Лекаръ Вахтлеръ не могъ оказать страждущему помощи потому, что не имѣлъ съ собой необходимыхъ лекарствъ; достать же ихъ скоро не было никакой возможности. Считая свою болѣзнь

*) Пелымъ лежитъ близъ слиянія двухъ рѣкъ: Пелыма и Тавды. Онъ окруженъ со всѣхъ сторонъ дремучими первобытными лѣсами хвойныхъ породъ. Окрестности его на далекое пространство никогда не были обитаемы по причинѣ множества «вибуновъ» или бездонныхъ пропастей, обманчиво покрытыхъ зеленью и цвѣтами. Вѣчно сырая почва этого края заключаетъ въ себѣ необыкновенно растительную силу: кедръ, ель, сосна, пихта и лиственница достигаютъ здѣсь часто четырехъ сажень въ объемъ и до тридцати сажень въ вышину. Ловля и продажа звѣрей и рыбъ, въ изобиліи наполняющихъ пелымскіе лѣса и рѣки, составляютъ единственный источникъ проицтанія жителей—полудикихъ вогуловъ. Въ теченіи зимы, продолжающейся съ октября до мая, сообщеніе Пелыма съ другими сибирскими городами крайне

неизлечимой, Биронъ готовился къ смерти, проводилъ цѣлые дни въ религиозныхъ бесѣдахъ съ пасторомъ или читалъ библію и другія священныя книги. Къ довершенію несчастій герцога, 28-го декабря, въ полночь, въ его спальнѣ загорѣлся, отъ лопнувшей печной трубы, потолокъ. Огонь быстро охватилъ весь домъ, такъ что караульные солдаты съ трудомъ успѣли вытащить изъ пламени арестантовъ и часть ихъ пожитковъ. Вицентьевъ перевезъ Бирона съ семействомъ въ городъ и помѣстилъ въ домъ у воеводы.

Въ началѣ января 1742-го года, до Пельма достигла вѣсть объ арестованіи малолѣтняго императора и его родителей и о восшествіи на престолъ цесаревны Елисаветы Петровны. Новость эта оживила Бирона. Во время своего значенія, онъ оказалъ Елисаветѣ Петровнѣ нѣсколько услугъ и потому могъ надѣяться, что она, сдѣлавшись императрицей, вспомнитъ о немъ и облегчитъ его участь. Надежды его не замедлили оправдаться. 28-го января, въ Пельмъ прискакалъ сенатскій курьеръ съ императорскимъ указомъ, возвращавшимъ герцогу полную свободу и шлезвигское имѣніе Вартенбергъ, полученное имъ въ подарокъ отъ прусскаго короля еще въ 1731-мъ году и конфискованное у него вмѣстѣ съ прочимъ имуществомъ, при ссылкѣ.

Биронъ, еще неоправившійся отъ своего недуга и съ трудомъ ходившій по комнатѣ, поспѣшилъ оставить Пельмъ. Онъ намѣревался проѣхать прямо въ Курляндію, но на дорогѣ внезапно получилъ новый указъ императрицы, которымъ ему повелѣвалось отправиться въ Ярославль и жить тамъ безвыѣздно. Причина, вызвавшая подобное распоряженіе, неизвѣстна. По словамъ саксонскаго резидента Пецольда, оно произошло вслѣд-

затруднительно по случаю глубокихъ снѣговъ; глѣтомъ же обитатели его получаютъ необходимыя для жизни припасы водою, по Тавдѣ.

Изъ современнаго Бирону описанію Пельма видно, что городокъ этотъ состоялъ тогда изъ небольшой деревянной крѣпости или, вѣрнѣе, острога, вооруженнаго двумя мѣдными пушками и четырьмя чугунными пищалями, двухъ церквей, и нѣсколькихъ десятковъ обывательскихъ домовъ. Въ крѣпости жили: воевода, два фискала, надсмотрщикъ крѣпостной конторы, пять боярскихъ дѣтей и шестьдесятъ рядовыхъ казаковъ и пушкарей. Число горожанъ неизвѣстно.

Домъ, назначенный для помѣщенія герцога Курляндскаго и его семейства, былъ выстроенъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ крѣпости, на крутомъ, обрывистомъ берегу Тавды, лицомъ къ густой, непроницаемой тайгѣ. С. III.

ствіе настояній князей А. М. Черкаскаго и Н. Ю. Трубецвого, руководившихся при этомъ личными интересами и враждой къ Бирону. Какъ бы то ни было, Викентьевъ и Дурново, миновавъ, согласно присланному имъ секретному приказанію, Москву, 26-го марта привезли бывшаго регента въ Ярославль, гдѣ для жительства его былъ отведенъ большой каменный магистратскій домъ съ садомъ, на берегу Волги *).

Трудный и далекій путь усилилъ болѣзнь герцога и принудилъ его опять лечь въ постель. Императрица, находившаяся въ это время въ Москвѣ, узнавъ объ опасномъ положеніи Бирона, послала къ нему своего лейбъ-медика Лестока. Послѣдній пробылъ въ Ярославлѣ нѣсколько дней и не только помогъ герцогу своимъ искусствомъ, но, по возвращеніи ко двору, исходатайствовалъ ему значительныя льготы. Государыня дозволила Бирону принимать къ себѣ всѣхъ, кого онъ пожелаетъ и выѣзжать самому въ гости и на охоту, однакожь не далѣе какъ на двадцать верстъ кругомъ Ярославля, «за пристойнымъ и честнымъ присмотромъ», то-есть, въ сопровожденіи караульнаго офицера. Сверхъ того, по приказанію императрицы, Бирону были присланы изъ Петербурга, принадлежавшіе ему, библіотека, мебель, посуда, охотничьи собаки, ружья, экипажи и нѣсколько лошадей.

Такимъ образомъ, благодаря снисходительности Елисаветы Петровны, герцогъ могъ пользоваться въ Ярославлѣ нѣкоторой свободой и удобствами. Однако, несмотря на это, и самъ Биронъ и его семейство были очень недовольны своимъ новымъ положеніемъ, жаловались на недостаточность отпускаемаго имъ содержанія и тяготились неволей и зависимостью отъ караульныхъ офицеровъ.

Въ особенности досадовала на свою судьбу дочь Бирона, Гедвига-Елизавета. Оторванная отъ блестящей придворной среды, въ которой постоянно стремились всѣ ея помыслы и желанія, она страшно скучала и считала себя несчастнѣйшимъ существомъ на землѣ. Тоска и досада Гедвиги-Елисаветы усиливались еще болѣе отъ постоянныхъ преслѣдованій отца, нелю-

*) По отъѣздѣ Бирона изъ Ярославля, въ 1761-мъ году, домъ этотъ былъ передѣланъ въ острогъ, а въ 1820-мъ году изъ кирпичей его построена первая полицейская часть.

бывшаго её за то, что она была горбата и нехороша собой. Биронъ имѣлъ крайне вспыльчивый и раздражительный характеръ. Малѣйшая неудача или неприятность приводили его въ сильный гнѣвъ, который онъ обыкновенно изливалъ на своихъ приближенныхъ. Въ подобныхъ случаяхъ, преимущественно передъ всѣми, доставалось, разумѣется, нелюбимой дочери. Съ первыхъ же дней по приѣздѣ въ Ярославль, Гедвига-Елисавета начала придумывать средства избавиться отъ отцовскаго гнета и снова занять мѣсто при дворѣ. Она постаралась, прежде всего, расположить въ свою пользу вліятельныхъ лицъ, жившихъ въ городѣ, надѣясь черезъ ихъ ходатайство и связи достигнуть своей цѣли; но скоро убѣдившись въ несбыточности этой надежды, обратилась къ другому плану,—написала письмо къ начальнику тайной канцеляріи, графу Шувалову, и просила его принять участіе въ ея положеніи. Когда и это не привело ни къ какому результату, Гедвига-Елисавета рѣшилась на отчаянную попытку бѣжать изъ отцовскаго дома. Удобный случай для этого представился, однакожь не ранѣе 1749-го г. Въ этомъ году императрица переѣхала со всѣмъ дворомъ въ Москву и, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, отправилась пѣшкомъ на богомолье въ Троицкую Лавру. Узнавъ о пребываніи государыни въ полторастахъ верстахъ отъ Ярославля, Гедвига-Елисавета поспѣшила привести въ исполненіе свой замыселъ. 15-го апрѣля, ночью, она явилась къ женѣ ярославскаго воеводы, Бобрицовой-Пушкиной, и, обливаясь слезами, объяснила ей, что давно уже чувствуетъ душевную потребность принять православіе, но что отецъ, не желая допустить до этого, подвергаетъ её такимъ жестокимъ преслѣдованіямъ, которыя она не въ силахъ болѣе переносить. При этомъ, принцесса неотступно умоляла Пушкину немедленно отвезти её въ Троицкую Лавру, гдѣ она хотѣла лично просить императрицу о заступничествѣ и покровительствѣ. Пушкина обрадовалась случаю обратить на себя вниманіе государыни, и въ ту же ночь отправилась съ Гедвигой-Елисаветой въ Лавру.

По приѣздѣ въ монастырь, Пушкина представила принцессу графинѣ Шуваловой, занимавшей при императрицѣ должность первой статсъ-дамы. Гедвига-Елисавета сумѣла поддѣлаться къ старой графинѣ и возбудила въ ней такое горячее участіе къ себѣ, что Шувалова взялась ходатайствовать за нее передъ

государыней. Благодаря этому обстоятельству, принцесса была выставлена въ глазахъ императрицы несчастной жертвой родительскихъ преслѣдованій, будто бы навлеченныхъ ею усердіемъ къ православной вѣрѣ. Елисавета Петровна была, какъ извѣстно, чрезвычайно религіозна и предана церкви, а потому поступокъ принцессы заслужилъ полное ея одобреніе. Она сочла священной обязанностью принять подъ свое покровительство «бѣдную овечку» и приказала привести еѣ къ себѣ. Явясь къ императрицѣ, Гедвига-Елисавета ушла на волюни, зарыдала и не могла произнести отъ смущенія ни одного слова.... Императрица растрогалась, обласкала принцессу и обѣщала тотчасъ же по возвращеніи въ Москву присоединить еѣ къ православію. Дѣйствительно, черезъ три недѣли послѣ этого, Гедвига-Елисавета торжественно приняла православіе въ церкви Головинскаго дворца, причемъ получила имя Екатерины Ивановны. Такъ какъ принцесса не имѣла никакихъ средствъ къ существованію, то императрица придумала для нея должность главной надзирательницы надъ фрейлинами, съ весьма, впрочемъ, ограниченнымъ содержаніемъ.

Бѣгство дочери и въ особенности переходъ ея въ православіе, привели Бирона въ страшное отчаяніе и негодованіе, такъ что императрица, узнавъ о нравственномъ состояніи герцога и опасаясь, чтобы онъ, въ порывѣ горя, не покусился на свою жизнь, сочла нужнымъ послать караулившему его офицеру предписаніе «имѣть неустанное за онымъ Бирономъ наблюденіе, дабы какого зла себѣ не учинилъ и въ какомъ разсужденіи далѣе будетъ состоять, о томъ секретно доносить и для гулянья съ нимъ ѣздить самому, а другихъ не посылать.» Однако опасенія императрицы оказались напрасными. Биронъ остался живъ, черезъ нѣсколько недѣль совершенно успокоился и даже, уступая желанію государыни, простилъ дочь.

Въ это же время Бирону приходилось испытывать еще и другія непріятности. По своей неуживчивости и раздражительности, онъ безпрестанно ссорился съ капитанъ-поручикомъ Дурново, который былъ назначенъ, въ 1745-мъ году, вмѣсто Викентьева, старшимъ приставомъ при герцогской фамиліи. Ссоры эти превратились наконецъ въ явную вражду и Дурново, пользуясь своею властью, началъ дѣлать Бирону разныя притѣсненія и придирки. Герцогъ неоднократно жаловался на грубость и при-

дирчивость Дурново ярославскому воеводѣ, но жалобы эти почему-то оставались безъ послѣдствій и только въ 1753-мъ году военнымъ путемъ дошли до государыни. Елисавета Петровна тотчасъ же велѣла смѣнить Дурново и отдать его подъ судъ при сенатѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ, императрица выразила желаніе, чтобы Биронъ подробно сообщилъ о всѣхъ сдѣланныхъ ему обидахъ и притѣсненіяхъ. Такое вниманіе привело герцога въ восхищеніе. Онъ поспѣшилъ написать императрицѣ письмо, которое впервые печатается, и притомъ вполнѣ, съ подлиннаго современнаго перевода, сохранившагося въ дѣлахъ Архива Мин. Иностран. Дѣлъ:

«За всѣ тѣ высочайшія милости, которыя ея императорское величество, въ первый день ея величества высоко-славнаго государствованія, намъ бѣднымъ, въ самой крайней нуждѣ и утѣсненіи оказать повелѣла, и которыми ея величество, и по сей часъ такъ щедро и милосердно, жаловать благоволилъ, что мы ко освященнымъ сея великія монархини стопамъ, со всеподданническимъ благодареніемъ припадаемъ, всенижайше прося, чтобъ оное высокоmaterнее милосердіе намъ и впредь пожаловано было.

«Пріѣхавшій, марта 25 дня, гвардіи капитанъ-поручикъ г. Булгаковъ, по указу правительствующаго сената, намъ объявилъ, чтобъ мы наши жалобы на бывшаго у насъ на караулѣ капитанъ-поручика Дурного подали; во исполненіе котораго, съ должнѣйшимъ послушаніемъ то приносимъ.

«Какъ мы въ нашей крайней бѣдѣ, высочайшею ея императорскаго величества милостію обрадованы были, то съ самаго того времени офицеры насъ подъ честнымъ и свободнымъ надзираніемъ имѣли, такожь мы на самихъ ихъ ссылаемся, представляя ихъ свидѣтелями, какимъ образомъ мы со всеглубочайшимъ почтеніемъ всегда старались ничего не предпринять, чтобъ въ противность всеосвященному соизволенію нашей всемилостивѣйшей императрицы было.

«А какъ команду принялъ офицеръ Дурной, то мы многія обиды и огорченія чрезъ восемь лѣтъ отъ него терпѣли. По-неже онъ безъ причины перемѣнилъ приказъ въ его командѣ, чтобъ моихъ дѣтей безъ солдатъ съ двора не выпускать, которые во все время безъ караула выхаживали, и для того часто,

какъ только ему угодно явится, караулъ въ воротамъ приставлять, а потомъ, какъ они такимъ образомъ по недѣли содержаны были, и его злость минется, то онъ опять караулъ отъ воротъ въ надлежащее мѣсто свести, и во всемъ по прежнему порядку поступать велить. А когда дворъ въ С.-Петербургѣ благоволилъ находиться, въ то время мы отъ него по большей части обиды нести принуждены были, понеже онъ въ декабрѣ мѣсяцѣ прошедшаго года моимъ дѣтямъ, когда они хотѣли отъ нангорчайшаго своего уединенія проходиться, нажесточайшимъ образомъ чрезъ солдатъ не дозволилъ.

«А какъ мы изъ высочайшей ея императорскаго величества милости российскихъ пять поваровъ имѣли, то оный офицеръ Дурной имъ приказалъ по недѣлѣ у себя варить и имѣть дневанье, такожь и сіе многимъ здѣшнимъ жителямъ извѣстно, сколь долгое время тогда опасно прилипчивая болѣзнь въ его домѣ находилась, понеже здѣшній городской лекаръ его двѣнадцать человѣкъ (болѣвшихъ) салваціею вылечилъ, и такъ двое лучшихъ поваровъ ушли, а по нашему мнѣнію, по причинѣ той, опасались, чтобъ и они сею злою болѣзнію заражены быть не могли, такожь и для избѣжанія многихъ побоевъ, понеже онъ часто ихъ въ самую работу изъ моей кухни бралъ; у партикулярныхъ людей, также у нѣкоторыхъ солдатъ стряпать принуждалъ, а на мѣсто двухъ упедшихъ и одного умершаго исходатайствовалъ онъ, чрезъ свой ложный аттестатъ, одного непотребнаго малаго, который за его мошенническія злодѣйства всегда преррителенъ былъ, такожь года съ два въ тюрьмѣ сидитъ, при здѣшней провинціальной канцеляріи. Теперь уже легко усмотрѣть можно, съ какимъ попеченіемъ и огорченіемъ мы часто за столъ со слезами саживались, также по крайней нуждѣ (понеже 2 ушли, одинъ умеръ и одинъ подъ карауломъ) должны мы были одного иностраннаго—принять, которому мы, хотя оно намъ также весьма трудно было, изъ однихъ намъ, только на столъ назначенныхъ, денегъ плату давать должны.

«Какъ мы въ Ярославль приѣхали, то сперва здѣсь высочайшая милость нашей всемилостивѣйшей императрицы присланнымъ указомъ объявлена, чтобъ намъ хорошая квартира дана была, что такъ и учинено, однако оный домъ магистратскій, а сколь долго мы въ немъ живемъ, я всегда починивать при-

казывалъ, многое къ тому пристроилъ и нашимъ коштомъ 11 лѣтъ содержанъ, что намъ весьма трудно, и для того пришли въ долги, понеже намъ сверхъ того не дѣлалъ, но когда магистратъ что велить построить, то онъ не зналъ, сколько ему своего неудовольствія въ томъ показать, и съ нами грубо поступалъ, которое я и моя бѣдно-опечаленная фамилія 8 лѣтъ молчаливо терпѣли, чтобъ просьбою не могли утрудить.

«А сверхъ того всякому извѣстно, что сей офицеръ Дурной не въ показанныхъ ему палатахъ живетъ, такожь дрова и все другое отъ магистрата получаетъ, а мы по сіе число все покупать должны, изъ чего ясно видно, что Дурной не въ силу все-милостивѣйше даннаго ему указа съ нами поступалъ; но противное оказывалъ, ибо онъ за насъ, ни въ какомъ случаѣ, не вступался.

«Надъ нѣкоторыми нашими служителями желалъ Дурной господствовать, понеже онъ имъ жалованье безъ моего вѣдома, по своему благоразсужденію давалъ.

«Изъ г. Петербурга и по нынѣ не имѣли мы въ нашемъ крайнемъ несчастіи болѣе двухъ дѣвокъ, изъ которыхъ одна турчанка, а другая арабка, а понеже первая замужъ вышла, то мы должны и послѣднюю, по его многократному требованію и сватовству (что каждому извѣстно), чтобъ быть только лишь отъ него въ покоѣ, въ сію пришедшую осень за пастора отдать.

«А почему Дурной оной арабѣ (и чрезъ его милостивое стараніе учинившейся пасторшѣ) еще и по сіе время непринадлежащее жалованье выдаетъ, то мнѣ оное неизвѣстно, однакожь намъ его сватовство (которое для посмѣянія всему городу было) весьма чувствительно; ибо моя супруга, въ часто случающихся ей въ болѣзни припадкахъ, по нынѣ никого на ея мѣсто не имѣетъ.

«Еще-жъ капитанъ-поручикъ Дурной искалъ людей на насъ доносить, что будто-бы они были обижены, имъ совѣтовалъ, и привазалъ прошеніе написать, которое въ подлинникѣ находится, и письменно довазатъ можно, что его злое намѣреніе туда простиралось, желая насъ въ худую славу, также и при высочайшемъ мѣстѣ тѣмъ насъ въ ненависть и немилость привести.

«Въ Шлиссельбургѣ двое изъ нашихъ воспитанниковъ отъ

насъ отпущены, изъ которыхъ одинъ былъ тунгузецъ, а другой кубанской татаринъ; и какъ мы онаго послѣдняго примѣтили (что его худое поведеніе до того касалось, понеже онъ злыми и богопротивными людьми къ тому приведенъ), приказалъ я его въ здѣшнюю провинціальную канцелярію отослать, ибо мы опасались, чтобъ онъ еще какого злодѣйства неучинилъ; оный малый, именовемъ Александръ, въ упомянутой канцеляріи, сколько лишь намъ извѣстно, слѣдующее объявилъ:

«Прошлаго года, какъ онъ отъ меня посланъ былъ къ господину Дурнову, оный ему сказалъ, что онъ дворцовый служитель, потомъ обнадеживалъ его, что ежели оный малый не желаетъ у насъ служить, то за него стараться будетъ, только чтобъ онъ на насъ ему жалобу принесъ; по которому обѣщанію онъ, Александръ, тѣмъ наиболѣе къ нему присталъ, а намъ невѣренъ сталъ, понеже ему показались обнадеживанія и обѣщанія капитанъ-поручика Дурнова, къ тому же онъ часто видѣлъ, какъ худо онъ съ нами поступаетъ, и изъ квартиры безъ караула многократно невыпускалъ.

«Научалъ онъ на моего меньшаго сына отставнаго сержанта бить челомъ.

«Солдата Линева безъ наказанія и изслѣдованія отпустилъ, что онъ, стоя на караулѣ, у малаго нѣсколько рублей денегъ отнялъ.

«По дальнему допросу сказалъ, что онъ, Александръ, по вышеобъявленному обнадеживанію господина Дурнова, осмѣлился, во вторникъ на первой недѣлѣ сего великаго поста, чтобъ убѣжать за его ослушаніе должнаго наказанія, уйти къ господину Дурнову и искать у него защищенія; чего ради капитанъ-поручикъ ему приказалъ на насъ доношеніе написать и ему подать, на что Александръ отвѣтствовалъ, что онъ того сдѣлать не можетъ, понеже онъ о своихъ господахъ ничего худаго не знаетъ.

«О семъ его неслыханномъ поступкѣ ярославская канцелярія лучшее извѣстіе подать можетъ. А послѣ допроса онаго Александра въ провинціальной канцеляріи, намъ онъ обратно отданъ, оттуда на другой день по утру, какъ онъ одѣвалъ моего большаго сына, изъ его горницы, по приказу господина капитанъ-поручика Дурнова, сержантомъ и солдатами взять подъ караулъ,

и въ нему отведенъ; а что онъ тамъ съ нимъ дѣлалъ, то намъ неизвѣстно; и для того мы принятаго здѣсь нашего нѣмецкаго служителя въ нему посылали, чтобъ о томъ провѣдать, котораго офицеръ тотчасъ арестовалъ, и хотѣлъ-было его приказать съчѣ. Черезъ часъ послѣ того пришелъ онъ (Дурнаго) въ намъ совсѣмъ перемѣнившись изъ лица, отъ злости. Къ нашему счастью случились тогда быть находящимся при канцеляріи подполковнику Артамону Левашову и отставному маіору Коконцеву, безъ которыхъ свидѣтелей чаятельно онъ о какомъ собственно изобрѣтеніи на насъ бѣдныхъ правительствующему сенату отрепортовалъ, и говорить мнѣ съ угрозою: знаю ли я кто онъ таковъ? и какъ я дерзновеніе принялъ, безъ его позволенія, того малаго въ здѣшнюю провинціальную канцелярію послать? А я ему отвѣтствовалъ весьма инаково и упустительно, что я въ нему тогда стоявшаго у насъ на караулѣ сержанта Шипова посылаю, чтобъ онъ малаго допросилъ, такожь по прошествіи нѣкотораго времени и самъ ему припаятовалъ, чтобъ онъ что хотѣлъ съ нимъ сдѣлать, только я отъ него ничего въ отвѣтъ неполуча, принужденъ былъ упомянутого малаго въ здѣшнюю провинціальную канцелярію отослать. Упомянутый сержантъ Шиповъ стоялъ тогда при томъ, и сказалъ оное своему командиру, въ глаза, что онъ о всемъ вышеупомянутомъ ему объявлялъ, такъ какъ я ему приказывалъ.

«Потомъ (Дурнаго) осердившись сказалъ, что онъ «равно какъ бы былъ у свиней». Меньшой мой сынъ отвѣтствовалъ: «мы не хотимъ браниться; довольно того, что подполковникъ и маіоръ слышать, какъ вы насъ подбиваете».

«Господинъ Дурной, повторяя свои прежнія слова, сказалъ, что онъ «еще хуже былъ, какъ у свиней». Сей его гнѣвъ такимъ образомъ умножился, что онъ съ великою яростію изъ дому вышелъ, и караулъ у воротъ приставилъ, со строгимъ объ насъ приказомъ.

«Когда мои дѣти ему прежде того о его поступкахъ представляли, то онъ, по своему обыкновенію, экскузами отличался, или удивительно проклиная исправить хотѣлъ, мы-же всегда противное тому провѣдывали.

«Такія его многократныя перемѣны въ его приказахъ, которые онъ своей командѣ давалъ, понеже мы думали, что оныя высочайшимъ указомъ повелѣно, и о томъ у насъ немалое без-

покойство, печали и великія алтерациі причинились. Мы же все оное сносили, и въ молчаніи уединенномъ на высочайшую ея императорскаго величества милость уповали, которую мы всегда признаваемъ, и за перемену капитана, припадая къ стопамъ, благодареніе приносимъ, и со всесовершеннѣйшимъ почтеніемъ, о высочайшемъ благополучіи нашей всемилостивѣйшей императрицы вѣчно Всемогущаго, съ искреннимъ тщаніемъ, и изъ истиннаго подданства, вѣрнопочтѣйшими сердцами, молить будемъ. Марта 30 дня, 1753 года. Е. Юганъ. Г. Ф. К. *)».

«Переводилъ переводчикъ Николай Дурасовъ».

Дурново, сдавъ команду и арестантовъ смѣнившему его капитанъ-поручику Преображенскаго полка Булгакову, отправился въ Петербургъ и явился въ сенатъ, гдѣ на предложенные ему вопросы пункты далъ, 3-го іюня 1753 г. слѣдующее показаніе:

«Въ бытность мою при Биронѣ съ фамиліей, чтобъ дѣти его Бирона, хотя прежде безъ караула и выхаживали, но по усмотрѣннымъ мною причинамъ, безъ солдатъ съ двора выпущать я приказывалъ для того, чтобъ безъ присмотра съ двора не сходили, ибо оны живутъ въ разныхъ покояхъ, а часовому на крыльцѣ усмотрѣть не можно; а иногда тотъ караулъ отъ воротъ и сводилъ и приказывалъ отпускать ихъ съ присмотромъ, и то я чинилъ въ силу данныхъ мнѣ 1741 года, ноября 29 дня и 1749 года, іюня отъ 4 числа, указовъ; а когда они проходить хотѣли, то отъ меня запрещенія не было, а позволяемо было, съ тѣмъ чтобъ за ними солдаты были, а безъ того-бъ неходили.

«Поваровъ я у себя по недѣлѣ варить и дневанье имѣть никогда не приказывалъ, точію, которые отъ него Бирона смѣнялись, то изъ нихъ двухъ по смѣнѣ, за пьянствомъ ихъ, въ квартиру отпускать не велѣлъ, а приказывалъ имъ быть на моей квартирѣ по недѣлѣ безъисходнымъ; а стряпать ихъ какъ у себя, такъ и у постороннихъ и у солдатъ не принуждалъ, а когда у меня или у постороннихъ случались компаніи, то какъ я, такъ и посторонніе, для стряпанья прапивали тѣхъ поваровъ у него Бирона и съ его позволенія употребляли. На мѣсто-жъ убылыхъ поваровъ, одного поварскаго сына Черкасова, который прежде

*) Т.-е. *Bezog von Kurland.*

жилъ у меньшаго его, Биронова, сына и потомъ учился на той же его Бироновой кухнѣ, и, по прошенію отца его, онаго повара о опредѣленіи его на кухню къ нему Бирону я въ сенатъ представлялъ, о чемъ и ему Бирону тогда жъ до представленія сказывалъ, на что и онъ Биронъ говорилъ, чтобъ представить, почему и представилъ и указъ получилъ; а nepотpeбcтвa и злодѣйства тогда за нимъ никакого видно не было.

«Въ отведенномъ ему Бирону домѣ о починкѣ и пристройкѣ ему Бирону въ магистратъ представить не только недозволять или запрещать, но и самъ я о томъ въ магистратъ словесно неоднократно представлялъ и всегда починки и пристройки исправляемы были отъ того магистрата.

«Я жилъ въ отведенномъ отъ магистрата домѣ и дрова получалъ отъ того магистрата, по ихъ доброй волѣ, безъ принужденія, а кромѣ дровъ ничего не получалъ; а Бирону отпуска дровъ и ничего другаго отъ магистрата не было и я безъ указа не требовалъ, а покупалъ онъ Биронъ изъ получаемыхъ на содержание свое денегъ отъ себя.

«Служителямъ опредѣленное жалованье каждому порознь раздавалъ я какъ и прежде меня сначала другими офицерами раздавалось, съ его Бирона воли, черезъ унтеръ-офицеровъ, кои деньги изъ казны принимали; а о выдачѣ арабки за пастора никакого требованія и снатовства я не употреблялъ, но точію доказывалъ ему Бирону, что пасторъ желаетъ на ней жениться и для того ко мнѣ приходилъ; и выдана она, по приказу его Бирона, самимъ имъ Бирономъ и у него Бирона въ домѣ.

«Никакихъ людей доносить на него Бирона ни о чемъ я не искалъ и никому не совѣтовалъ и прошеній подавать не приказывалъ.

«Служителю его Бирона Александру того, якобы онъ дворовый, не говаривалъ; а говорилъ что онъ опредѣленный и обстоитъ въ спискѣ у нихъ служителемъ и что ежели онъ не желаетъ у него служить, то-чтобъ за него я старался—никогда не обнадеживалъ; точію оный служитель Александръ на большаго его Бирона сына однажды пришедъ ко мнѣ, на первой недѣлѣ великаго поста нынѣшняго года, жалобу приложилъ о битьѣ его и о худыхъ поступкахъ, въ которыхъ его онъ, Бироновъ сынъ, принуждалъ. И о томъ я приказывалъ ему доношеніе къ себѣ

подать для того, что ежели-бъ слѣдовало что представить, то представилъ-бы, а о прочемъ ему-бъ Бирону объявить, а на меньшаго его сына ни въ чемъ бить челомъ отставнаго сержанта я не научалъ; но только приходилъ ко мнѣ отставной гвардіи сержантъ съ жалобою на него, Биронова сына, въ битьѣ жены его, съ чего я посылалъ его сержанта ту жалобу принести къ отцу его Бирону, точію оный сынъ его недопустилъ; и потомъ того сержанта къ нему Бирону я съ тою жалобою приводилъ, котораго они и удовольствовались; а на солдата Линева никакой жалобы я неслыхалъ, и у какого малаго тотъ солдатъ нѣсколько денегъ отнял, — о томъ я извѣстенъ не былъ; а про служителя Александра я, увѣдавъ, что онъ былъ содержанъ въ провинціальной канцеляріи, посылалъ унтеръ-офицера привести къ себѣ для спросу: для чего онъ въ той канцеляріи задержанъ былъ? о чемъ его я самъ и спрашивалъ письменно; а изъ покоевъ-ли его Бирона его брали, или на дворѣ, того я не вѣдаю; и по спросѣ того-жъ числа отпустилъ, и что по спросу оказалось, въ сенатъ репортовалъ. А пришедшаго тогда ко мнѣ отъ него Бирона нѣмецкаго служителя неарестовалъ, но тою съ показанія онаго Александра, что его тотъ нѣмецкій служитель въ канцелярію отводилъ, приказывалъ я въ квартирѣ своей ему подождать, пока освѣдомлюсь: не собою-ль онъ то дѣлалъ, а съчь его никакого намѣренія не имѣлъ.

«Такихъ рѣчей ему Бирону: знаетъ-ли кто я таковъ, и какъ онъ Биронъ дерзновеніе принималъ, безъ моего позволенія, того малаго въ провинціальную канцелярію послать, я ни при комъ никогда неговорилъ, а говорилъ ему Бирону, что какъ онъ Биронъ послалъ того служителя, необъявля мнѣ, и то весьма не хорошо, ибо ему въ канцелярію никакого сношенія имѣть не должно, а что ему Бирону надобно, то-бъ объявилъ мнѣ.

«На оное Биронъ мнѣ хотя и говорилъ, якобы онъ того служителя принужденъ въ провинціальную канцелярію послать, для того будто отъ меня никакого отвѣта не получилъ; но точію я ему отвѣтствовалъ, что предъ тѣмъ временемъ прислалъ онъ Биронъ ко мнѣ требовать солдатъ, чтобъ того служителя высъчь, почему сержантъ съ солдатами и посланы были, но потомъ онъ Биронъ тому сержанту объявилъ, что уже онъ его простилъ, и съчь не хочеть, о чемъ и самъ мнѣ объявилъ, а притомъ ему

Бирону того, что я, ровно какъ-бы былъ у свиней—неговаривалъ и на отвѣтствіе большаго его Бирона сына такими рѣчами, что я еще хуже былъ какъ у свиней, я не повторалъ; а говорилъ съ учтивостію такимъ образомъ, что: хотя-бы я и у свиней былъ, то-бъ и тутъ долженъ о своемъ вѣдомствѣ знать, а мнѣ о посылкѣ того малаго и сообщено не было, и потомъ я вышедъ отъ нихъ изъ дому, у воротъ караулъ приставить велѣлъ, съ такимъ о нихъ приказомъ, какъ и письменно отъ меня дано на основаніи мнѣ даннаго указа, дабы изъ двора безъ присмотра не сходили.

«Я имѣлъ высочайшіе ея императорскаго величества указы, каковы въ оригиналѣ и опредѣленному на смѣну мнѣ офицеру сданы; грубыхъ поступковъ и обидъ имъ Бирону съ фамиліею непоказывалъ, а вышеобъявленнымъ образомъ, какъ здѣсь показано, поступалъ я въ силу тѣхъ ея императорскаго величества высочайшихъ указовъ.

«И о всемъ вышеозначенномъ показалъ я самую истину, и ничего неутаилъ подъ опасеніемъ военнаго суда.

«Лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка капитанъ-поручикъ Степанъ Дурново».

Сенатъ, повидимому, очень равнодушно отнесся къ дѣлу Бирона съ Дурново. По крайней мѣрѣ, снявъ съ послѣдняго показаніе, онъ не счелъ нужнымъ дополнять и продолжать слѣдствіе и только лишь пять съ половиной мѣсяцевъ спустя поднесъ императрицѣ докладъ, который также приводимъ здѣсь въ подлинникѣ:

«Высочайшимъ вашего императорскаго величества указомъ, объявленнымъ въ сенатѣ чрезъ господина генераль-адъютанта и кавалера графа Александра Ивановича Шувалова, марта 14 дня, сего 1753 года, повелѣно находящагося въ Ярославлѣ при бывшемъ герцогѣ Биронѣ лейбъ-гвардіи капитана Дурново, о коемъ вашему императорскому величеству извѣстно, что явился въ нѣкоторыхъ непорядочныхъ противъ его, Бирона, поступкахъ, чего ему и въ инструкціи не написано, другимъ оберъ-офицеромъ смѣнить и какіе онъ непорядки чинилъ, о томъ отъ реченнаго бывшаго герцога взявъ извѣстіе, сенату чрезъ кого надлежитъ изслѣдовать и вашему императорскому величеству всеподданнѣйше доложить.

«По тому вашего императорскаго величества высочайшему указу, на смѣну находящагося въ Ярославлѣ, при помянутомъ бывшемъ герцогѣ Биронѣ капитана-поручика Дурнова, отправленъ изъ сената съ указомъ лейбъ-гвардіи капитанъ-поручикъ Булгаковъ, который его, Дурнова, и смѣнилъ; а о чинимыхъ имъ Дурновымъ непорядочныхъ противъ Бирона поступкахъ, взятое отъ него Бирона на нѣмецкомъ діалектѣ, за его рукою, извѣстіе, прислалъ при рапортѣ своемъ, такожъ и онъ Дурновъ явился въ сенатъ.

«И по переводѣ того извѣстія на російскій діалектъ, противъ онаго по учиненнымъ вопросамъ пунктамъ, онъ капитанъ-поручикъ Дурновъ передъ собраніемъ сената допрашиванъ. И во исполненіе онаго вашего императорскаго величества указа, означенное отъ него Бирона взятое за его рукою извѣстіе, въ переводѣ и съ допроса вопіи, вашему императорскому величеству сенатъ всеподданнѣйше при семъ поднося, представляетъ:

«Хотя онъ Дурновъ въ допросѣ своемъ въ показанныхъ на него противъ Бирона непорядочныхъ поступкахъ и производимыхъ ему Бирону обидахъ и не признался, елѣдствія же и очныхъ ставовъ не произведено, но правительствующій сенатъ изъ собственнаго его Дурнова въ допросѣ показанія, усматриваетъ его Дурнова, противные даннымъ ему указамъ и непорядочные съ обидою ему Бирону и его фамиліи, поступки, а именно:

«1) По своей волѣ онъ Дурновъ въ воротамъ караулъ приставлялъ, а иногда сводилъ и опять приставлялъ, съ приказаніемъ дабы изъ двора безъ присмотра не сходили, чрезъ что ему Бирону и сомнительство наносимо было, явобы по особо данному указу такъ съ ними поступать велѣно; а ему Дурнову кромѣ данныхъ ему отъ вашего императорскаго величества ноября 29 дня 1741 года, марта 30 дня 1742 года, іюня 4 дня 1749 года, указовъ, по которымъ велѣно куда они вытти похотятъ болѣе 20 верстъ, то ихъ за пристойнымъ и честнымъ присмотромъ отпускать и во удовольствіи снабжать, дабы они ни въ чемъ нужды не имѣли; другихъ въ отѣну оныхъ, никакихъ указовъ дано не было; почему ему Дурнову въ приставливаніи въ воротамъ карауловъ перемѣнъ собою чинить и тѣмъ имъ сомнѣніе наносить не надлежало.

«2) Изъ опредѣленныхъ къ нему Бирону поваровъ, двухъ онъ Дурновъ на квартирѣ своей, якобы за пьянствомъ ихъ безъисходныхъ удерживалъ и неотпускалъ; на квартиру жъ свою дрова онъ Дурновъ отъ магистрата получалъ, безъ указаго повелѣнія, а Биронъ изъ даваемыхъ на его содержаніе покупалъ.

«3) Служителямъ его Бирона опредѣленные изъ казны деньги онъ Дурновъ команды своей черезъ унтеръ-офицеровъ раздавалъ и въ то вступался собою не дѣльно, ибо по данному ему Дурнову указу велѣно опредѣленные на содержаніе всѣхъ ихъ деньги, также если есть и оставшіе у офицеровъ, которые уже имъ подлежатъ отдать, и впредь принимая изъ подлежащихъ мѣстъ, отдавать имъ въ руки, а офицерамъ, состоящимъ при нихъ на караулѣ, до тѣхъ денегъ не касаться.

«4) Служителю его Бирона, Александру, который на большаго Биронова сына жалобы ему Дурнову приносилъ, онъ Дурновъ толковалъ, что де онъ опредѣленный и обстоитъ въ спискѣ у нихъ служитель, и о той жалобѣ доношеніе къ себѣ подать приказывалъ; и потомъ изъ покоевъ его Бирона, черезъ посланнаго унтеръ-офицера, того служителя для спроса къ себѣ бралъ и пришедшаго отъ Бирона для провѣдыванія нѣмецкаго служителя въ квартирѣ своей удерживалъ, что ему Дурнову чинить не надлежало.

«Сверхъ же того онъ Дурновъ и персонально имъ Бирономъ неучтиво такими рѣчьми говорилъ, что хотябъ онъ Дурновъ и у свиней былъ, тобъ и тутъ долженъ о своемъ вѣдомствѣ знать, и потомъ онъ Дурновъ, вышедъ отъ нихъ изъ дому у воротъ караулъ приставлялъ, въ чемъ и въ допросѣ своемъ не заперся.

«За такіе его Дурнова, въ бытность при немъ Биронѣ, непорядочные поступки, что съ нимъ учинить повелѣно будетъ, сенатъ просить вашего императорскаго величества высочайшаго указа. А до полученія онаго сенатомъ опредѣлено ему капитанъ-поручику Дурнову, яко находящемуся подъ слѣдствіемъ, отъ полку жалованье производить половинное. Подлинное подписали: Александръ Бутурлинъ, князь Борисъ Юсуповъ, Иванъ Бахметьевъ, князь Иванъ Щербатовъ, князь Иванъ Одоевской. 14 ноября, 1753 года».

Докладъ этотъ, подобно множеству другихъ бумагъ, пред-

ставлявшихся на разсмотрѣніе императрицы, пролежалъ болѣе двухъ лѣтъ безъ всякой резолюціи и Дурново, считаясь подъ судомъ при сенатѣ и получая половинное содержаніе, находился въ полку и исполнялъ всѣ служебныя обязанности. Наконецъ, въ 1755-мъ году, онъ былъ произведенъ изъ капитанъ-поручиковъ гвардіи въ полковники въ армію. Видя въ своемъ производствѣ какъ бы признаніе своей невинности, Дурново подалъ на высочайшее имя прошеніе и ходатайствовалъ о выдачѣ ему удержаннаго жалованья и раціоновъ за все время бытности подъ судомъ. Тогда дѣло его вторично было доложено государынѣ, которая изустно повелѣла освободить Дурново отъ суда, оставивъ просьбу его о выдачѣ удержаннаго жалованья безъ удовлетворенія.

Что касается Бирона, то въ 1762-мъ году, при восшествіи на престолъ Петра III, онъ, какъ извѣстно, получилъ свободу и просилъ разрѣшенія ѣхать въ Курляндію; но императоръ, намѣревавшійся сдѣлать герцогомъ Курляндскимъ своего дядю принца Георга Голштинскаго, удержалъ его въ Петербургѣ и послѣ долгихъ переговоровъ принудилъ подписать отреченіе отъ герцогскихъ правъ на Курляндію въ пользу принца Георга. Однако императрица Екатерина II, вскорѣ послѣ своего воцаренія, устранила сдѣлку между Бирономъ и принцемъ Георгомъ и возстановила перваго во всѣхъ его правахъ.

Биронъ управлялъ Курляндіей до 1769-го года, когда, одряхлѣвъ совершенно, передалъ власть своему старшему сыну Петру. Биронъ умеръ въ Митавѣ, 17-го декабря 1772-го года. Бальзамированный трупъ его, съ горбатымъ носомъ и жесткими чертами лица, одѣтый въ бархатный коричневый кафтанъ французскаго покроя съ нашитой на груди андреевской звѣздой, покоится въ сѣлепѣ герцогскаго дворца и до сихъ поръ показывается желающимъ за цѣловый, заплаченный вистеру.

С. Н. Шубинской.

Примѣчаніе. Въ распоряженіи „Русской Старины“ находится статья, составленная, по нашей просьбѣ, гофмейстеромъ барономъ Федоромъ Андреевичемъ Бюлеромъ, однимъ изъ потомковъ, по женской линіи, герцога Бирона, статья о портретахъ Бирона. Лучшіе изъ нихъ—находятся у г. Бюлера. Статья эта, равно снимокъ съ почерка герцога и одинъ изъ наиболѣе схожихъ портретовъ Бирона будутъ помѣщены въ нашемъ изданіи. Профессоръ В. И. Якоби весьма обязательно предложилъ нарисовать портретъ Бирона на камнѣ, съ котораго и будетъ исполненъ литографическій снимокъ. Фед.